

Охота на тени

Роберт Орловский

Роберт Орловский

Охота на тени

<https://litres.ru/74056831>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новое дело охотника Максима Ветрова превзошло все ожидания. Жестокое убийство в центре Москвы — дело рук неизвестного существа...

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Роберт Орловский

Охота на тени

Глава 1.

Труп лежал прямо посреди Тверской.

Ну, не совсем посреди. Чуть правее, у входа в старую арку, туда, где днем крутят шаурму, а ночью скапливается густая, как деготь, темнота. Но для такого случая это считалось центральной улицей города. Не по окраинам же ему валяться, в конце концов.

Дождь моросил уже полчаса. Мелкий, противный, ноябрьский — не капли, а какая-то ледяная взвесь, оседающая на воротнике и проникающая за шиворот. Он заливал асфальт, превращал свет фар в мутные, дрожащие разводы и делал мою сигарету мокрой уже на третьей затяжке. Вкуса табака не было, только вода и фильтр.

Вокруг тела уже выставили оцепление. Желтая лента хлопала на ветру, словно пыталась что-то сказать. Полицейские мялись у машин, пряча носы в воротники форменных курток, делали вид, что работают. На самом деле ждали меня. Точнее, ждали того, кого принято вызывать по странным протоколам, которые не подшиваются в обычные папки.

— Ветров, — кивнул капитан Смолин, едва я нырнул под

ленту.

Мы с ним пересекались раз в месяц. Чаще ему не хотелось. Мне, впрочем, тоже. Смолин был из тех ментов, кто до пенсии мечтает, чтобы чертовщина обходила его участок стороной, но каждый раз обламывается. У него было серое, плохо выбритое лицо и красные прожилки в глазах — следствие хронического недосыпа и профессионального стресса, смешанного с дешевым виски.

Я кинул мокрый бычок прямо в лужу, и он зашипел, умирая, а сам присел на корточки у трупа.

Парень. Лет двадцать пять, максимум. Одет дорого, но с той безвкусицей, которая кричит о деньгах, не подкрепленных воспитанием. Кожаная куртка-пилот с блестящими клепками, золотая цепь на бычьей шее толщиной с мизинец. Глаза открыты и смотрят прямо в низкое, разбухшее от дождя небо. Лицо искажено такой гримасой животного, всепоглощающего ужаса, что даже мне стало не по себе. Рот перекошен, мышцы сведены судорогой, будто перед смертью он пытался закричать, но звук украли прямо с губ. А я, поверь, видел всякое.

— Что скажешь? — Смолин навис над плечом, стараясь держаться так, чтобы не видеть лица мертвого, но быть в курсе.

— Скажу, что он мертвый, — я медленно выдохнул белый пар.

— Очень смешно, мать твою. Я серьезно.

— Я тоже. Но если хочешь деталей, принеси кофе. Без сахара.

Я не стал дожидаться ответа. Провел раскрытой ладонью над телом, не касаясь кожи. С расстояния в пять сантиметров воздух изменился. Ладонь кольнуло холодом. Не уличным, не ноябрьским — тот был мокрым и пронизывающим. Этот холод был сухим, эманационным. Потусторонним. Такой холод бывает только в одном случае: когда из оболочки выкачали не только жизнь, но и саму ауру, оставив только биохимический мусор. Мои подушечки пальцев слегка онемели.

— Его не ножом, — сказал я, поднимаясь и отряхивая с плаща невидимую грязь. — И не пулей. У него всю кровь выпили. Подчистую. Даже ту, что в капиллярах. Сейчас он суше мумии, просто пока не начал разлагаться и держит форму.

Смолин поморщился так, будто ему под нос сунули протухшую рыбу. Он ненавидел, когда я говорил такие вещи спокойно, буднично, словно это курс физики для седьмого класса. Но каждый раз, скрипя зубами, вызывал именно меня.

— Следов укусов нет, — возразил он с надеждой, цепляясь за рациональное. — Мои ребята все осмотрели, шею в первую очередь.

— А ты хорошо искал?

Я наклонился, аккуратно, двумя пальцами, повернул го-

лову трупа набок. Кожа под пальцами казалась резиновой и неестественно холодной. Под левым ухом, у самой линии роста волос, куда не догадываются смотреть медэксперты-обыватели, виднелись два крошечных прокола. Аккуратные. Почти незаметные. Словно кто-то профессиональной иглой для пирсинга воткнул туда пару спиц и вытянул всё до донышка. Вокруг ранок кожа была слегка обесцвечена — типичный след антикоагулянта в слюне.

— Упырь работал, — констатировал я, выпрямляясь. — Молодой. Неопытный. Наглый. Поэтому так грубо.

— Почему грубо? — Смолин искренне не понимал. — Все чисто, даже крови нет.

— Потому и грубо, что оставил труп на Тверской.

Я снова полез в карман за сигаретами, хотя понимал, что они уже сырые насквозь.

— Если бы работал профи, мы бы вообще ничего не нашли. Даже запаха. Упыри со стажем умеют убирать за собой так, что позавидует любой чистильщик спецслужб. А этот... этот либо тупой до безобразия, либо специально оставил нам подарочек. Хотел, чтобы его заметили. Бросил вызов или приглашение на казнь.

— Зачем?

— Вот это я и собираюсь выяснить. Если, конечно, ты перестанешь дышать мне в затылок.

В кармане завибрировал телефон. Резкая трель разрежала монотонный шум дождя и вой сирен. Номер был незна-

комый, но какая-то интуитивная память заставила меня на-
прячься еще до того, как я принял вызов. Я отошел на пару
шагов в тень арки, подальше от чужих ушей.

— Ветров слушает.

— Привет, Максик.

Голос был сладкий, как патока, и с хрипотцой, как гра-
вий на дне бокала. Такой голос обычно предвещал пробле-
мы. Большие, нелепые и кровавые проблемы. Он звучал од-
новременно сексуально и угрожающе, как шипение змеи в
темной спальне.

— Кто это? — спросил я, хотя в глубине сознания ответ
уже замигал красной лампой.

— Ты меня не помнишь? Ай-яй-яй, Максик. Я обиделась.
Десять лет назад мы вместе одного разбухшего мертвяка в
Люберцах упаковывали. Помнишь, на старом кладбище, где
склеп провалился? Ты еще тогда мне обещал перезвонить и
пропал.

В голове что-то щелкнуло, собирая пазл из запаха сырой
земли, женского смеха и блеска клинка в лунном свете.

— Лара?

— Она самая, — довольно мурлыкнула трубка. — Слу-
шай сюда, Максик, и не перебивай. Ты сейчас на Тверской
стоишь, под дождем мокнешь и на трупик смотришь. Пра-
вильно?

Я промолчал. По спине прошел тот самый холод. Она зна-
ла, где я. Возможно, даже видела меня.

— Не ищи там ничего, — в голосе Лары исчезла игривость, осталась только сталь. — Это не твой уровень. Это вообще за гранью твоего допуска.

— А чей? — я старался говорить ровно.

— Вообще ничей. Забудь про это дело. Скажи своим ментам, что передозировка или сердечный приступ, и вали домой пить чай. С ромашкой. Успокаивает нервы.

— Я не пью чай.

— Жаль. Тогда засунь свое любопытство в задницу и просто уйди. Иначе в этом месяце у Смолина будет два таких трупа. И твой будет выглядеть куда хуже.

В трубке раздались короткие, злые гудки.

Я еще пару секунд стоял, прижимая телефон к уху, хотя там уже молчало. Смолин всё еще топтался рядом, кутаясь в форменную куртку. Он слышал обрывки разговора и теперь смотрел на меня с тем собачьим беспокойством, которое бывает у людей, чувствующих приближение бури.

— Проблемы, Ветров?

— Пока нет, — соврал я, убирая телефон. — Но скоро будут. Всем нам.

Я еще раз взглянул на труп. Двадцать пять лет. Золотая цепь. Кожаная куртка. И два крошечных прокола, за которые уже уцепились чьи-то длинные когти.

Если Лара сказала забыть — значит, я вляпался во что-то серьезное. В то, что пугает даже таких, как она. А Лара была старой, очень старой тварью в теле роковой брюнетки.

А серьезные вещи я забывать не умел.

Дождь усилился, барабаны по капотам машин и железным козырькам подъездов. Тверская становилась всё мрачнее, светофоры расплывались в красные лужи на асфальте. Где-то в подворотне завывала сигнализация. А может, и не сигнализация — уж больно надрывным и гортанным был вой.

В этом городе никогда не угадаешь.

Я затушил сигарету о мокрую подошву ботинка, чувствуя, как промозглая сырость пробирается в кости, и пошел к машине. Надо было найти сухое место, подумать и понять, какую именно дверь в ад я сегодня приоткрыл.

Работа только началась.

Глава 2.

Машину я оставил за два квартала от нужного места. Не из конспирации. Просто на Сухаревке вечно не припарковаться. Весь район забит старыми «Мерседесами» с блатными номерами и ржавыми «Газелями», которые, кажется, приросли к бордюрам еще в девяностых. Пришлось втискивать свой неприметный серый седан между мусорными баками и чьим-то мотоциклом, накрытым брезентом.

Дождь кончился. В смысле — перестал падать отвесно. Теперь он просто висел в воздухе противной водяной пылью, оседая на ресницах и заставляя щуриться. Фонари горели через один, и от этого тротуар казался полосатым, как шкура зебры. Тени плясали на кирпичных стенах старых доходных домов, и половина этих теней принадлежала отнюдь не людям. Я научился различать их еще в начале карьеры: у человеческой тени края размытые, живые. У нечисти — острые, как лезвие, даже если источник света колеблется на ветру.

Нужный мне переулок прятался за бывшим гастрономом. В моем детстве здесь продавали «Докторскую» колбасу по талонам, а теперь круглосуточный алкомаркет «Тёмное&Светлое» слепил глаза кислотной вывеской. Но местные по старой памяти называли это место «У Семёныча». Хотя никакого Семёныча там уже лет пятнадцать не было — уехал в Израиль, оставив после себя только прозвище да пару крыс

в подсобке.

Зато был другой завсегда. Куда более древний.

Я свернул в арку, прошел мимо переполненных баков, из которых несло прокисшим пивом, и толкнул железную дверь без вывески. Табличка «Закрето» висела на одном гвозде и никогда не переворачивалась. Звякнул колокольчик — старый, бронзовый, с трещинкой, из-за которой звук получался не мелодичным, а каким-то надтреснутым. В нос тут же ударил запах — густая смесь сушеных трав, вековой книжной пыли и старой крови. Последней здесь всегда хватало, и она въелась в деревянные половицы так, что не брал ни один чистящий состав. Даже магический.

За прилавком стоял мужик неопределенного возраста. То ли пятьдесят, то ли пятьсот. Низкорослый, кряжистый, с руками-кувалдами, которые не вязались с его ростом, и бородой, в которой могло затеряться мелкое животное. Гном. Настоящий. Из тех, что еще застали царя Гороха и помнили, как прокладывали подземные ходы под Кремлем.

— Ветров, — пробасил он вместо приветствия.

Голос походил на звук спускаемой воды в старом унитазе — низкий, булькающий, идущий откуда-то из глубин бочкообразной грудной клетки.

— Долго ты шёл.

— Пробки, — я стряхнул влагу с плаща и прикрыл за собой дверь.

— Врут твои пробки. Ты курил у машины минут десять.

Я видел в окно. А потом еще пять минут пялился в телефон, как девица на выданье.

Гномы всегда всё знают. Бесит. У них есть какая-то врожденная способность подглядывать, подслушивать и делать правильные выводы. Говорят, это из-за того, что они живут в три раза дольше людей, а времени на наблюдения — вагон.

Его звали Кириш. Или Корш. Я так и не запомнил за пять лет знакомства, потому что он никогда не поправлял. На визитке, которую он однажды мне всучил, было написано просто «Мастер К. Консультации. Артефакты. Редкости». Он держал лавку древностей, которая официально торговала старыми монетами, царскими самоварами и значками Олимпиады-80, а неофициально — запрещенными артефактами, компроматом на всю московскую нечисть и ядами для «специфических целей». Ходячий компромат, опасный и незаменимый.

— Кофе будешь? — спросил он без особого желания, скорее соблюдая ритуал.

— Буду.

— Тогда свари сам. У меня лапы короткие, до турки не дотягиваюсь. Сам виноват, не надо было так высоко вешать полку.

Я прошел за прилавок, чувствуя себя почти как дома. Нашел турку — медную, с оловянным покрытием внутри, — насыпал порошок. Кофе здесь варили исключительно по-восточному. Густой, черный, как нефть, горький, с кардамоном

и крошечной щепоткой соли. Единственное, что Кирш делал хорошо и с душой, — закупал правильные зерна у какого-то эфиопского поставщика.

Пока вода закипала, поднимаясь шапкой пены, я разглядывал витрину. Под мутноватым стеклом, на выцветшем бархате лежали клыки упырей (молочные, написано от руки), пара засушенных крыльев ночницы, похожих на обгорелый пергамент, и пузырек с мутной белесой жидкостью, напоминающей разбавленное молоко. На ценнике значилось: «Слезы баньши. Натурпродукт. Скидка 30%. Причина скидки: срок годности истекает в 1807 году». Юмор у Кирша был специфический.

— Бизнес идёт? — поинтересовался я, разливая кофе по крошечным чашечкам.

— Идёт, — проворчал Кирш, принимая свою порцию. — Туда идет. Обратного не возвращается. Ты зачем пришел, Ветров? Кофе пить и от дождя прятаться или по делу? Если просто отсидеться — имей совесть, плати за электричество.

— По делу.

— Я так и понял. У тебя на лице написано. Устал ждать, пока ты созреешь для признания.

— И что именно написано?

Кирш прищурился, отхлебнул кофе и, казалось, прочитал меня, как открытую книгу.

— «Я только что видел труп и сейчас влезу в такое дерьмо, из которого не вылезу даже с моими связями».

Я сделал глоток. Горечь обожгла язык, кардамон приятно согрел горло. Хорошо.

— Упырь на Тверской объявился, — сказал я, ставя чашку на блюдце. — Прямо посреди улицы. Как подарок под елку, только до Нового года еще далеко.

Кирш хмыкнул, погладил бороду, в которой, кажется, что-то шевельнулось.

— Молодой?

— Да. Неумеха. Тело бросил на виду, следы не убрал. Кровь выпил всю, до донышка, но проколы замаскировать не догадался.

— Глупый или наглый. Третьего не дано.

— Или его вели, — я посмотрел гному в глаза. — Или это послание.

Кирш задумался на секунду. В лавке повисла тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов с кукушкой, которые всегда показывали без четверти три. Он отставил чашку и полез под прилавок, кряхтя и шурша. Вытащил оттуда толстую тетрадь в кожаном переплете, протертом до дыр. Страницы были исписаны мелким бисерным почерком, с вкраплениями схем и рунных вязей на полях.

— Я слышал кое-что, — сказал он, листая и облизывая палец. — Дня три назад. Может, четыре. Точное время гномы не фиксируют, нам без надобности. В город зашел кто-то новый. Не местный. Все наши, московские, на учёте стоят, я тебе ответственно заявляю. Своих я знаю наперечёт,

от вывода Сабуровых до одинокой твари из Марьиной Рощи, которая по подвалам жметя. А этот — пришлый. Не знаю откуда, но слухи ходят скверные. Даже мои информаторы нервничают, а они, поверь, видели всякое.

— Какие именно? — я подался вперед, облокотившись на прилавок.

Кирш оторвался от тетради, захлопнул ее и посмотрел на меня маленькими глазками-бусинками цвета болотной тины. В них не было страха, но было что-то, отдаленно напоминающее тревогу. А тревога гнома — это диагноз всему городу.

— Говорят, он один из Старых. Не молодняк, не обращенный в прошлом веке. Один из тех, кто помнит времена до Романовых.

Я аккуратнo, чтобы не расплескать, поставил чашку на прилавок. Кофе вдруг показался кислым и холодным, хотя был только что из турки.

— Старые в Москву не суются, — произнес я медленно, словно сам себя убеждал. — У них договор с Инквизицией. Еще с девяносто восьмого, после той бойни на Павелецкой.

— Значит, договор кто-то нарушил. Или решил, что он больше не действует.

— Старые не нарушают договоров. Они педантичны до тошноты. Для них слово — это магия в чистом виде.

— Тогда этот нарушил. Конкретно этот экземпляр. Может, изгой. Может, бешеный. Может, у него свои резоны, о которых мы не знаем.

Я замолчал, переваривая услышанное. Если в городе действительно появился Старый упырь — не рядовой кровосос, не обращенный шестерка, а настоящий Старый, из Первого Круга, — то труп на Тверской был не преступлением и не несчастным случаем. Он был объявлением. Манифестом. Заявкой на новую охотничью территорию. Приглашением к разговору на языке, который понимают все посвященные: «Смотрите, что я могу, и это только начало».

Мой телефон снова завибрировал, разорвав тишину лавки. На этот раз не звонок — сообщение. Без подписи, с незнакомого номера, который даже не определялся по базе. На экране высветилось всего несколько строк, но их хватило, чтобы воздух в комнате стал тяжелее:

«Двадцатый километр МКАД. Старая бойня. Приходи один. Если не придешь — завтра будет еще один труп. И это будет не ночью. Это будет в полдень, на Красной площади».

Я молча показал экран Киришу. Тот прочитал, пошевелил губами, словно пробуя слова на вкус, и пожевал бороду — верный признак крайней степени задумчивости.

— Пойдешь?

— Конечно.

— Дурак.

— Знаю, — я допил остывший кофе одним глотком, бросил на прилавок смятую купюру и двинулся к выходу. Железная дверь холодила пальцы.

У двери обернулся. Кириш смотрел на меня исподлобья,

скрестив короткие руки на груди.

— Если не вернусь...

— Я в твоей квартире не прибираю, — перебил он грубовато, но в голосе скользнула едва уловимая хрипотца. — У меня лапы короткие для твоих антресолей. Да и ключа нет.

— Я просто хотел сказать: забери кофеварку. Она хорошая. Жалко, если пропадет.

Гном кивнул — коротко, по-деловому. Без сантиментов.

Я вышел в переулок и плотно прикрыл за собой дверь. Колокольчик звякнул последний раз. Дождь снова зарядил — теперь уже не морось, а настоящие косые струи, которые барабанили по карнизам и текли за шиворот. Над городом собирались тучи — темные, низкие, неестественно плотные, как будто кто-то накрыл Москву крышкой от гроба, придавив сверху свинцовым небом.

Старая бойня. Двадцатый километр. Один.

Звучало как приговор. Но идти все равно надо.

Я завел машину. Дворники заметались по стеклу, размазывая грязь. Фары выхватили из темноты струи дождя и чей-то силуэт в арке, который тут же исчез, стоило моргнуть.

Я выехал в ночь. Впереди горели огни МКАДа, похожие на ожерелье на шее мертвеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.